

ВИТОЛЬД
ГОМБРОВИЧ

ОДЕРЖИМЫЕ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44
Г 64

Witold Gombrowicz
OPĘTANI
Copyright © Rita Gombrowicz & Institut Litteraire
All rights reserved

Перевод с польского Ирины Адельгейм

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-30134-4

© И. Е. Адельгейм, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Глава I

— Разве вы не видите табличку с надписью «Не высовываться»? Или для вас распоряжение властей ничего не значит?

Такое замечание сделал юноше, что высовывался из окна, пожилой блеклый господин в пенсне. Случилось это в поезде, где-то за Люблином. Молодой человек убрал голову из окна и обернулся.

— Не знаете, какая сейчас станция будет? — поинтересовался он.

— Если я спросил, известно ли вам о том, что запрещено высовываться из окон движущегося поезда, то, как мне кажется, следует сперва ответить на мой вопрос, а уж потом задавать свой, — еще строже заметил этот любитель порядка с рыбьим лицом, жесткой щетиной волос и поблескивавшей на животе золотой цепью карманных часов.

Молодой человек отозвался — мгновенно и беспечно:

— А, прошу прощения.

Эти мгновенность и беспечность вызвали в рыбоподобном господине еще большее раздражение. Советник Шимчик чрезвычайно любил поучать и муштровать окружающих и терпеть не мог, когда те вос-

принимали его замечания недостаточно серьезно. Он окинул свою жертву неприязненным взглядом.

То был юноша со светло-русыми волосами, лет, вероятно, двадцати, на редкость ладно сложенный. Хотя лето подходило к концу и вечера случались прохладные, на нем были синяя сетчатая майка, серые брюки и теннисные туфли на босу ногу.

«Кто бы это мог быть? — размышлял советник. — Везет с собой аж две ракетки — сын, что ли, кого-то из местных? С другой стороны, кожа на руках огрубевшая, за ногтями не следит, как если бы занимался физическим трудом. Впрочем, и волосы не слишком ухоженные, да и речь скорее простонародная. Что ж тогда — пролетарий? Нет, откуда у пролетария возьмутся такие уши и глаза? Но опять же, губы и подбородок — совершенно крестьянские... И вообще, есть в нем нечто подозрительное... какая-то помесь».

Остальные пассажиры, похоже, были того же мнения, поскольку украдкой разглядывали молодого человека, который стоял, прислонившись спиной к стенке вагона. Советник Шимчик в конце концов так заинтересовался этим вопросом, что решил покамест отказаться от дальнейшей полемики на тему недостаточно серьезного отношения к наставлениям и советам компетентных лиц. Теперь он приступил к выяснению анкетных данных незнакомца, что, впрочем, давалось ему тем легче, что, даже будучи в отпуске, советник всегда ощущал себя чиновником, привычно заполняющим графы в формулярах.

- Род занятий? — спросил он.
- Тренер по теннису.
- Возраст?
- Двадцать.

— Двадцать? Что — двадцать? Двадцать лет? Извольте отвечать четко! — Советник потерял терпение и вспылал.

— Двадцать лет.

— Куда едете? — подозрительно поинтересовался советник. Этот тип нравился ему все меньше. Шимчик всегда испытывал некоторое недоверие к людям, которые слишком поспешно и послушно отвечают на вопросы; многолетний канцелярский опыт учил его, что, как правило, у таких личностей либо уже имеется что-то на совести, либо вот-вот появится...

Парень ответил:

— Еду недалеко, в одно имение, куда меня наняли. Тренером.

— А! — воскликнул советник. — Не в Польку ли к Охоловским? Да? Ну разумеется! Я сразу догадался, ведь панна Охоловская, скажу я вам, прирожденная теннисистка. Надолго вы туда?

— Не-е-ет... А впрочем, не знаю, как получится. Я должен починить ракетки, привести в порядок корт и начать тренировать барышню, поскольку ей, как я понял, не с кем играть.

— Я тоже туда еду, — счел нужным сообщить советник и, протянув руку, произнес в пространство: — Шимчик.

На что тренер, поклонившись, отвечал:

— Вальчак.

В этот момент к ним приблизился бодрый старичок, который с самого начала внимательно прислушивался к беседе.

— Господа, так вы в Польку? — воскликнул он. — Какая удача, я ведь тоже туда направляюсь. Позвольте представиться, — обратился он к советнику. — Ско-

линский Чеслав, профессор. Если быть точным — историк искусства. Сколинский! Вы, верно, в пансион? Вам там понравится, голубчик, смею вас заверить! Усадьба в Польке — это рай, а не пансион. Порой я даже испытываю радость оттого, что помещики разоряются и вынуждены открывать в усадьбах пансионы, ведь нигде так хорошо не отдыхается, как в деревне. Я провел там уже две недели, а сейчас всего на денек заскочил в Варшаву и вот возвращаюсь обратно. Чудесное, чудесное место, голубчик! Кстати! — воскликнул он, обращаясь к молодому тренеру. — Панна Майя Охоловская, ваша будущая партнерша, тоже едет в этом поезде. С вашего позволения — Сколинский, профессор, если быть точным — историк. Я бы вас ей представил, но не хочу показаться неделикатным: она едет с женихом... Точнее, ее жених едет с князем Гольшанским — знаете, тот князь из Мыслочи? Это тоже рядом с Полькой... Так вот, ее жених, пан Холявицкий, едет в одном купе с князем, у которого служит секретарем, а она, бедняжка, — в соседнем купе. Князь немного... того... — Он постукал пальцем себе по лбу. — И секретарь не имеет возможности отлучаться от него. Впрочем, нам в любом случае не стоит мешать молодой паре.

Мерно покачиваясь, поезд мчался по печальной местности, в свете заходящего солнца казавшейся темно-зеленой и плоской. Все чаще с обеих сторон подступали леса, все чаще состав стремительно прорезал мелкие сосновые перелески. Господа углубились в беседу, а Мариан Вальчак, тренер люблинского клуба «Зеспул», насвистывал, глядя на проплывающие за окном пейзажи. Он скучал. Он вообще часто

скучал. Порой на него накатывала такая скука, что просто неумоготу становилось. Вальчак решил прогуляться.

Вагон первого класса, по которому он сейчас шел, был почти пуст, но одно купе привлекло его внимание.

«Наверное, здесь едет этот князь», — подумал он и, притворившись, будто поправляет волосы перед висевшим на стене зеркальцем, заглянул внутрь.

Картина, представшая его глазам, и в самом деле оказалась любопытной. Огромные чемоданы чрезвычайно старомодного вида громоздились на полках; открытый несессер, помнивший, пожалуй, еще времена Наполеона, величественно покоился на дешевом грубом пледе фабричного производства. Трость, инкрустированная слоновой костью, соседствовала с весьма потрепанным зонтом; повсюду во множестве лежали свертки, пакетики с провизией, коробочки... Все это, вместе взятое, навевало мысли чуть ли не об эпохе дилижансов.

Среди разбросанных в беспорядке предметов роскоши и дешевых вещичек дремал, положив голову на вышитую подушку, маленький тщедушный старичок в неправдоподобно ветхом костюме с огромной заплатой на правом колене. Но при всей возбуждающей жалость дряхлости в чертах его лица читалось нечто столь властное и утонченное, что любой, едва взглянув на него, понимал: сидящий напротив элегантный господин в отлично скроенном костюме — не более чем секретарь, находящийся в услужении у сей величественной особы. Секретарь держал в руках раскрытую книгу, но не читал, а задумчиво смотрел в окно.

Почтенный старец внезапно чихнул и открыл глаза — а открыв их и обнаружив уставившегося на него юношу, немедленно вытаращил и выпучил свои маленькие голубоватые глазки так, точно привидение увидал. Лицо его покраснело. Он попытался что-то сказать, пошевелил губами и вдруг тоненько вскрикнул:

— Франек! Франек! — И протянул руки вперед. Но его спутник тут же отвернулся от окна и быстрым движением опустил шторку на двери.

Вальчак, не очень понимая, что произошло, почел, однако, за благо удалиться и заглянул в следующее купе. Здесь он обнаружил картину не менее любопытную и даже в чем-то схожую с давешней, но в чем-то и диаметрально противоположную. В купе находилась молодая девушка — и спала.

«Ага, — подумал юноша, — это небось та самая панна Охоловская».

Лица разглядеть он не мог, поскольку его закрывала рука, но Вальчака удивило то, как спала девушка: элегантно одетое, стройное и нежное тело было перекошено и небрежно пристроено в углу, а согнутые в коленях ноги закинута на противоположную скамью таким образом, что оказались чуть ли не выше головы; попытайся кто-нибудь специально найти самую неудобную позу для сна, он и то не смог бы улечься более эксцентричным и даже бесчеловечным образом. Так и подмывало потрясти девушку за плечо и воскликнуть: «Да как это вы так спите?!»

— Она ведь спит, совершенно не заботясь о себе, — пробормотал он. — Точно вовсе себя не уважает.

Как будто ей все равно, голова у нее ниже ног или ноги ниже головы... А ведь вроде такая элегантная...

Поезд катился, монотонно погромыхая, все вокруг тряслось и подсакивало, в том числе и спящая девушка. Вальчак разглядывал ее с таким любопытством, что совершенно забыл, где находится и куда едет.

В сущности, она не слишком ему нравилась, он предпочитал женщин постарше и попышнее, но было в ней нечто такое, что он глаз не мог оторвать. И вдруг его осенило:

— Да ведь она спит в точности как я!

Действительно, всякий раз, проснувшись ночью, Вальчак обнаруживал себя в подобной позе — он спал точно так же, и товарищи даже не раз смеялись над ним. Ну ладно, он — это понятно, но чтобы столь утонченная барышня спала эдак вот, позабыв о самоуважении...

«Она спит, словно на лавке в полицейском участке, — подумалось Вальчаку. — Интересно, это и есть Охоловская?»

Ее легкое пальто висело на вешалке рядом с дверью. Из кармана торчал белый конверт. Юноша заколебался, но любопытство взяло верх над порядочностью: он вытащил письмо и, поглядывая на спящую девушку, начал читать. Да, это была она. Письмо, адресованное Майе Охоловской, гласило:

Моя дорогая Майечка!

Если ты захочешь пробыть в Варшаве еще пару дней, то пожалуйста, я тут вполне справляюсь, а постояльцев — увы — очень мало. Ужасно, что нам при-

ходится пускать чужих людей в наш милый старый дом. Но ничего не поделаешь! Если бы это, по крайней мере, окупалось! Однако я хотела написать тебе о другом. О твоей помолвке с паном Генриком.

Мое дорогое дитя, ты знаешь, как сильно я желаю тебе счастья. Я предоставляю тебе полную свободу решать, поскольку знаю, что ты все равно меня не слушаешься, но твоя скрытность мучает меня ужасно. Смешно писать об этом в письме, когда мы через пару дней увидимся, но честно признаюсь, что не умею с тобой разговаривать.

Разве может это не печалить мать — невозможность взаимопонимания относительно предметов столь важных и сокровенных? Однако отношения между нами сложились таким образом, что иные вопросы я готова обсудить скорее с совершенно посторонним человеком, нежели с тобой.

Доченька моя дорогая, не сердись на мои слова. Я знаю, что ты меня любишь, и ты знаешь, что я готова за тебя жизнь отдать, но нет у нас с тобой общего языка. Поэтому хочу воспользоваться тем, что мы сейчас далеко друг от друга, и попытаться в письме сказать тебе то, что лежит у меня на сердце. Прими это к сведению, и не будем более этого касаться, хорошо?

В последнее время я боюсь за тебя настолько, что это отравляет мне всякую спокойную минуту.

Я боюсь твоей красоты, твоей молодости, я предпочла бы, чтобы ты была менее самоуверенна... Как бы это сказать? Я ощущаю в тебе ожесточенность, честолюбие, ненасытную жажду счастья. Мне кажется, ты так охоча до жизни, так теснит тебя наше

скудное деревенское существование, что ты готова на все, лишь бы получить доступ к богатой столичной жизни.

Ты полагаешь, Генрик даст тебе все это? В самом ли деле ты к нему привязана или просто хочешь с его помощью вырваться отсюда? Быть может, ты уже и сейчас знаешь, что спустя пару лет оставишь его?..

Впрочем, даже если ты ощущаешь к нему симпатию, не объясняется ли это чувство как раз родством ваших натур, этой ненасытной жаждой жизни? Порой мне кажется, что ни он тебя не уважает, ни ты его, — что это просто расчет и союз двух совершенно диких зверей. Боже, что я такое пишу! Ну да ладно. Если я ошибаюсь, если это просто отсутствие понимания со стороны старой женщины, каковой я являюсь, воспитанной в другие времена и на других идеалах, то не держи на меня зла.

Однако пойми, как мучительны для меня подобные предположения. Мир с каждым днем становится для меня все более страшным и загадочным. Вы, молодые, не обладаете чувством собственного достоинства, не уважаете ни себя, ни других — вот что хуже всего.

Деньги, которые ты взяла в Варшаве, можешь потратить полностью, поскольку я неожиданно получила 1300 злотых: Липковские расплатились. Я настолько отвыкла от крупных сумм, что, ей-богу, боюсь держать такие деньги дома! Пока положила в твой шкаф, в левый ящик. Пожалуйста, не экономь, купи себе из гардероба все, что требуется, на это мы всегда найдем средства, всенепременно. Ужасно, что я сама поощряю в тебе тягу к роскоши, но ты мне слиш-

ком нравишься! Это худшая из моих слабостей! Надеюсь, ты подшлифовала свою игру за эти несколько дней в Варшаве. Не сердись на меня, детка, подумай о том, что я написала, и сделай вид, будто не получила этого письма. Ты любишь меня?

Мама

Вальчак сунул письмо обратно в карман пальто.

Да, это была панна Охоловская, талантливая теннисистка, которую начиная с завтрашнего дня ему предстояло «подтягивать», — его будущая партнерша. Ага, значит, она мечтает удачно выйти замуж — ну разумеется, кто ж не мечтает, все эти барышни желают удачно выйти замуж и жить в свое удовольствие.

«Прямо как я!» — подумал он и рассмеялся.

Поезд замедлил ход. Вальчак вернулся в свой вагон, где советник Шимчик и профессор Сколинский уже снимали с полок чемоданы и надевали пальто. Вагоны качнулись и замерли.

— Выходим! — воскликнул профессор. — Стоянка всего две минуты!

Глава II

— Лошади из Польки?

Такой вопрос советник Шимчик обратил в пространство, выйдя на крыльцо станции. Носильщик тащил за ним два чемодана и тюк с постельным бельем.

Не получив ответа, советник повторил вопрос громче, но компания юных зевак восприняла его с полнейшим равнодушием.

Спроси Шимчик кого-нибудь из них лично, он моментально получил бы всю необходимую информацию, но поскольку вопрос был обращен в пространство, парни смотрели на советника как на бесплатное представление.

— Вот как голосит! — даже воскликнул младший из них, ковыряя в носу.

Это раздосадовало советника, и он покраснел. Но тут же остыл и успокоился... как вдруг кто-то толкнул его сзади.

— Прошу прощения, — сказал он, оглядываясь. — Поосторожнее, будьте так любезны! Вы задели меня сумкой.

— Что? Я? Вас? Сумкой? Ах, тысяча извинений! — воскликнул профессор, ибо это именно он случайно толкнул Шимчика в спину своей сумкой. —

О, кого я вижу! Панна Майя! Господа, позвольте вас представить. Пан... как же это... Шимон...

— Советник казначейства Шимчик, — представился советник и добавил: — Я телеграфировал о своем приезде.

— Тысяча извинений. Шимчик. А это пан Миньчик... Он по части тенниса...

— Прекрасно! — сказала панна Охоловская, по очереди протягивая мужчинам руку. — Мы все поместимся, для вещей есть отдельная бричка.

Подъехал экипаж, они с профессором уселись сзади, а советник с Вальчаком устроились на скамье. Грязная дорога вела сквозь редкий лес; за ним то и дело открывалась плоская равнина, печальная и широкая.

Солнце уже село, от тишины звенело в ушах. Все молчали. Леса́ ни на миг не исчезали из поля зрения, хотя теперь путники катили по лугам; кое-где виднелись низкорослые деревья.

— Что за места! — произнес наконец советник.

— Да, глушь, бедность и тоска, — рассмеялась барышня, и Вальчаку показалось, что смех этот ему знаком. Он внимательно посмотрел на нее. Майя говорила очень тихо, то ли из кокетства, то ли по другим причинам, но это придавало ей некоторую таинственность. Однако... откуда он знает этот смех? Кто из его знакомых так смеется? Внезапно и без всякой видимой причины сердце у него забилося.

«Что за черт?» — подумал юноша.

Темнело, и вуаль надвигающейся ночи постепенно окутывала кроны деревьев... Большая луна подни-

малась над лугами. Вдали, в деревне, лаяли собаки. Вальчак не мог избавиться от чувства странного беспокойства, он напрягал зрение, пытаясь преодолеть опускающийся мрак, и вдруг юноше показалось, будто он видит сон... Огромная старинная карета (какие уже лет сто как вышли из употребления), запряженная четверкой лошадей, с грохотом, скрежетом и лязгом, едва не задев их, с невероятной скоростью промчалась мимо и исчезла в клубах пыли.

— Что это было?! — воскликнул советник.

Профессор высунулся и с любопытством посмотрел вслед удаляющейся карете.

— Это князь из Мыслочи, — сообщил он.

— Да, — сказала Майя. — Он, бедняжка, тоже возвращается из Варшавы. Вы ведь не знаете главной достопримечательности этих мест, — обратилась она к советнику. — Мыслочь находится в нескольких километрах от Польшки. Мы едем сейчас по владениям князя.

— Но почему он пользуется таким средством передвижения? Словно при царе Горохе! — удивился Шимчик. — Ведь это неудобно и шумно.

— Почему? Да потому что он чокнутый! — воскликнул профессор. — Вот почему, голубчик вы мой! Старик с незапамятных времен чудит, и это еще мягко сказано. Меня удивляет, что князь вообще выбрался в Варшаву, он ведь обычно носа из своей фортеции не кажет. Пан Генрик, должно быть, с ним натерпелся, — обратился он к панне Охоловской.

— Еще бы, — ответила та. — Генрику с трудом удалось уговорить князя, но дела того требовали. В Варшаве он Генрика ни на шаг от себя не отпускал.

— Смотрите, смотрите, голубчик! — воскликнул профессор, обращаясь к советнику. — Отсюда виден замок, хотя, наверное, сейчас слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

Но луна уже заливала своим светом бескрайние равнины, кое-где отмеченные причудливыми силуэтами деревьев. В бледном сиянии что-то белело — это Мухавец медленно и лениво катил свои воды по долине, едва продвигаясь вперед и образуя огромные разливы...

Обширную водную гладь, открывшуюся взору советника, можно было бы назвать озером, если бы из нее в самых неожиданных местах не торчали камыши, тростник и лоза. Больше, чем озеро, это напоминало наводнение или скопление отдельных прудов. Кое-где суша и вода смешались настолько, что трудно было понять, какая стихия здесь главенствует.

Удивляло в этом безнадежно плоском пейзаже присутствие высокого холма, что вырос неведомо откуда и как и теперь возвышался над залитой водой равниной. Но еще больше поражало величие строения, располагавшегося на вершине этого холма.

Деталей Шимчик, который, впрочем, был близок, не различал, однако же ощущал присутствие каменной громады — из нее вздымалась вверх столь же исполинская башня, насчитывавшая около шести этажей, с полуразрушенной и изъеденной временем верхушкой. Она царила над всем пейзажем, одинокая, величественная, властная... Подножие замка постепенно окутывал туман.

— До чего грандиозное сооружение! — воскликнул советник.

— Еще какое! — отвечал профессор. — Сто семьдесят ветхих комнат, залов и так далее и тому подобное! Но для историка искусства это не представляет никакой ценности. Эклектика, понимаете, голубчик? Разруха, запустение — типичная господская усадьба в состоянии полного упадка. Польша, да будет вам известно, — продолжал он наставительно, — небогата архитектурными памятниками. В давние времена здесь стояли великолепные замки, но почти все они были разрушены во время шведских войн, а уцелевшие погубили небрежность и бескультурье их владельцев. Сколько памятников архитектуры просто разобрали, чтобы использовать камень для строительства!.. Теперь самым красивым замком в Польше считают Ланьцут. Но Ланьцут — дитя, сопляк с короткой памятью! Да, там есть роскошь, оранжереи, мраморные конюшни и бог знает что еще, но патины — патины нет! История Мыслочи хотя бы насчитывает шесть столетий!

— Шесть столетий? — удивился советник. — В здешних краях?

— Да, — ответил профессор. — Это был еще древний град князей Гольшанских-Дубровицких. Здесь с незапамятных времен располагалось поселение... Этот замок, — добавил он не без нотки ностальгии, — может похвалиться славными страницами своей истории, но теперь... теперь это просто куча камней и больше ничего, да, вот оно как! Меланхолическое пристанище безумца и могила угасающего рода... Там уже сто лет живут одни сумасшедшие.

Они снова въехали в лес. Сделалось темнее, поскольку лунный свет лишь изредка пробивался сквозь

ветви, и безмерная тоска сжала сердце Вальчака. К тому же его вдруг охватило такое беспокойство, что он едва сдержался, чтобы не выпрыгнуть из экипажа и не скрыться в чаще.

Печаль этих мрачных мест передалась и профессору — он умолк, и лишь советник продолжал рассуждать о типично польских пороках, а именно об анархии, неряшестве и неопрятности, а также об отсутствии надлежащей заботы и организации в деле сохранения памятников былого. На него никто не обращал внимания, поскольку все прислушивались к лесу, к прошлому, а может, и к своим собственным тайным тревогам.

Внезапно панна Охоловская обратилась к Мариану:

— Мы будем играть! — заявила она.

— Разумеется! — ответил тот и рассмеялся.

Показалось ему или она действительно взглянула на него очень внимательно? Да, он поймал ее изучающий взгляд, украдкой скользнувший по его лицу. Вальчаку пришло в голову, что, возможно, она заметила его манипуляции с письмом, — но нет, не может этого быть, она ведь спала.

Тогда отчего же она так его рассматривает?

Юноша очнулся от своих дум, когда профессор объявил:

— О, подъезжаем.

И экипаж вкатился через ворота на просторную лужайку, где вновь прибывших немедленно окружили собаки.

Усадьба в Польке представляла собой большой старый дом с характерной высокой крышей и ма-

Гомбрович В.

Г 64 Одержимые : роман / Витольд Гомбрович ; пер. с польск. И. Адельгейм. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 448 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-30134-4

Двадцатилетний тренер по теннису приезжает в загородное имение, чтобы помочь юной барышне, известной теннисистке, поддерживать спортивную форму. Между молодыми людьми с первого же дня устанавливаются странные отношения: оба чувствуют необъяснимое притяжение, несмотря на разницу в положении и тот факт, что барышня уже обручена. Ее жених служит секретарем у богатого князя, отпрыска старинного рода, и проживает с ним в мрачном замке неподалеку от имения. Говорят, в этом замке обитают потусторонние силы, а неприступные стены хранят невероятные богатства. Вскоре события приобретают воистину непредсказуемый характер...

Витольд Гомбрович — пожалуй, самый известный польский писатель XX века, мастер гротеска и «психологического шантажа» (так назвал своеобразный стиль автора Джон Апдайк). Гомбрович был номинирован на Нобелевскую премию четыре раза, его произведения известны по всему миру. «Одержимые» — причудливый готический роман о любви и тайнах прошлого — вышел в свет незадолго до оккупации Польши немецкими войсками и в то время остался почти незамеченным. Лишь в 1990 году роман был издан полностью под настоящим именем автора, а вскоре приобрел широкую известность и был переведен на многие языки.

Впервые на русском!

УДК 821.162.1

ББК 84(4Пол)-44

ВИТОЛЬД ГОМБРОВИЧ

ОДЕРЖИМЫЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник

Редактор Инна Безрукова

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Анастасия Новосельцева, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.04.2026.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 27,44. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.п., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-BRM-39289-01-R